

Место в иерархии не зависит от конкретного наполнения

связи — сочинительные союзы (*и, или, а* и др) и особая интонация одинаковы в словосочетании и в сложном предложении. Подчинительная связь заявляет о себе по-разному: в словосочетании — в виде окончаний и предлогов, в сложном предложении — в виде подчинительных союзов и союзных слов.

Благодаря разнообразным синтаксическим связям нам удается проделать путь от хранящихся в нашей памяти слов к живому общению, к высказыванию и тексту. Основные вехи этого пути — словосочетание, предложение, сложное предложение — и есть основные единицы синтаксиса. Система синтаксиса устроена иерархически, т. е. каждая следующая единица сложнее предыдущей и создаётся на основе единиц предшествующего уровня.

Но можно ли сказать, что из слов складываются словосочетания, из словосочетаний — предложения, из предложений — сложные предложения, подобно конструктору? Оказывается, не всё так просто. Предложения, например, мо-

жет и не содержать в себе словосочетаний: *Светает; Стоять!* Единица более высокого уровня может быть гораздо проще по смыслу и заметно короче, чем более скромная с точки зрения иерархии, сравните: *Пошёл дождь, и засуха кончилась* и *Пошёл настоящий летний дождь, мощный, шумный, как водопад, несущий спасительную влагу измученным засухой, поседевшим от горячего ветра полям и лесам.*

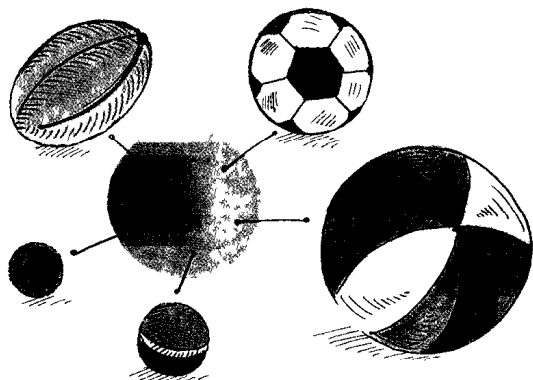
Место синтаксической единицы в иерархии зависит не от её конкретного наполнения, а от грамматических свойств (в нашем примере — от количества грамматических основ). Ведь синтаксис, как и морфология — это царство отвлечённых, универсальных форм. Если образуется, например, творительный падеж единственного числа существительных мужского рода с помощью окончания *-ом*, то это общее правило для всех слов: *человеком, столом, долгом, кентавром* и даже *Бармаглотом*. Так же в синтаксисе, если существует модель словосочетания «переходный глагол плюс существительное в винительном падеже», то она может наполняться любыми словами, подходящими по грамматическим свойствам: *любить Машу, собирать дрова, подкладывать свинью, гнать пургу*; если есть модель предложения «существительное в именительном падеже плюс личная форма глагола», то возможны и *Солнце встаёт, и Прилетели марсиане, и Ты бы подождал, и Виндоуз глючит*. Морфология и синтаксис вместе образуют правила игры, принятые в языке, его строй или, как принято говорить, *грамматику*.

СЕКРЕТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

НА СЛУЖБЕ У СМЫСЛА

Возьмём слова, обозначающие некие предметы (*мяч, дерево*). Они устраивают нас до тех пор, пока нужно описать ситуацию, в которой участвуют один мяч и одно дерево: *Под деревом мальчик играет в мяч*. Стоит появиться второму предмету, называемому тем же словом, что и первый, как это слово перестаёт справляться со своей задачей — передавать достаточно полную информацию. Предложения *Вдоль забора растут деревья, а посреди площадки возвышается дерево; Мой сынишка с восторгом смотрел на мяч, а дочка сразу выбрала мяч* просто бессмысленны. Чтобы всё прояснилось,

нужно уточнить, о каких деревьях и мячах идёт речь: *Вдоль забора растут невысокие раскидистые деревья, а посреди площадки возвышается огромное старое дерево с дуплом; Мой сынишка с восторгом смотрел на кожаный футбольный мяч, а дочка сразу выбрала расписной надувной мяч с неё ростом*. Теперь предмет не просто назван — он конкретизирован, вычленен среди множества подобных. Мы сделали это с помощью *словосочетания* — синтаксической единицы, которая образована из нескольких слов, соединённых друг с другом синтаксической связью. Как мы убедились, смысловозначительная сила словосочетания намного превосходит возможности слова.



Словосочетание — это уточненное наименование

Конкретизироваться может не только предмет, но и признак (*красный* — *красный как кровь*), действие (*бежать* — *бежать наперегонки*) и т. д. Действие можно уточнить, указав объект, на который оно направлено (*рассказать* — *рассказать подружке, рассказать историю*), иных участников ситуации, время, место, условия совершения действия (*проснуться утром, проснуться дома, проснуться из-за шума*). А некоторые понятия просто нельзя обозначить одним словом (вспомните выражения *железная дорога, тянуть волынку, изливать душу, рожки да ножки*).

В приведённых примерах слова, составляющие словосочетание, неравноправны; одно из них конкретизирует смысл другого, «обслуживает» его и грамматически от него зависит (сравните: *большой мяч, большого мяча, большими мячами*). Поэтому говорят о *главном* слове и о *зависимом*, а само словосочетание с неравноправными элементами, соединёнными подчинительной синтаксической связью, называют *подчинительным*.

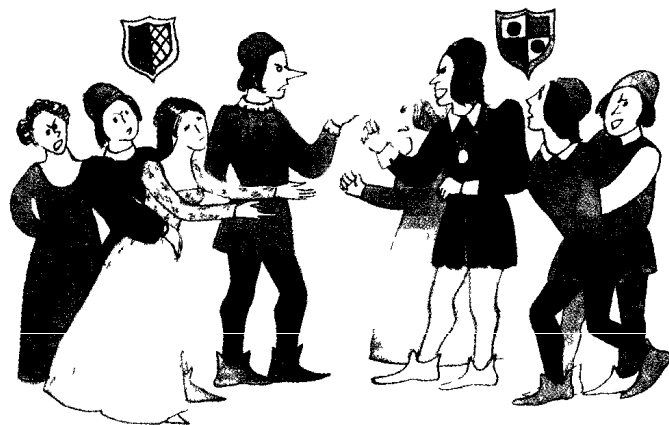
В других случаях нужно не вычленив предмет или явление из ряда подобных, а указать на соотношение между двумя или несколькими подобными явлениями. Эту задачу тоже помогает решить словосочетание: *Мне подарили кот и черепаху; Кот, черепаху тебе подарили; Не подарили мне ни кота, ни черепахи* (явления воспринимаются вместе); *Мне подарили кота, а не черепаху* (явления противопоставляются друг другу); *Тебе подарить кот или черепаху?* (нужно выбрать либо одно явление, либо другое). Компоненты этих словосочетаний равноправны, соединены между собой сочинительной связью, и сами словосочетания называются соответственно *сочинительными*.

Чтобы возникло словосочетание, мало нашего желания уточнить наименование какого-

либо явления, слова должны быть синтаксически совместимы: сочетаться по смыслу и своим грамматическим свойствам. Например, *мяч* — «упругая сфера, обычно накачанная воздухом, используется в некоторых видах игр» — может быть *большим, разноцветным, тяжёлым, размером с арбуз, рваным*, но не *острым, вытекшим, грустным* или *математическим*. Грамматическая несовместимость — это запрет на появление словосочетаний вроде *очень мяч* или *красная ударил*. Точно так же по причине смысловой несовместимости трудно представить сочинительные словосочетания *кошка и синтаксис, бегать или симпатизировать*, а по причине грамматической совсем невозможны сочетания *кошку и собакой, бегать и поёт*. Составлять словосочетания из слов, мало совместимых по смыслу, любят поэты и писатели, их необычность останавливает внимание читателя, создаёт яркий образ. Вспомните хотя бы названия. «Короли и капуста» — повесть О'Генри, «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» — стихотворение В. В. Маяковского, «Мёртвые души» — поэма Н. В. Гоголя, «Зелёный шум» — стихотворение Н. А. Некрасова.

Если в предложении оказывается несколько совместимых друг с другом слов в подходящих формах, то понять, есть между ними синтаксическая связь или нет, можно, лишь обратившись к реальной ситуации. Так, из предложения *В магазин привезли цветастые шали и платки* неясно, имеются ли в виду *цветастые шали и платки* или *цветастые шали и платки*.

Средства синтаксической связи в сочинительных словосочетаниях — это прежде всего сочинительные союзы, особая интонация, взаиморасположение. А вот виды подчинительной связи более разнообразны, и о них нужно рассказать подробнее.



Желания мало — нужна совместимость.

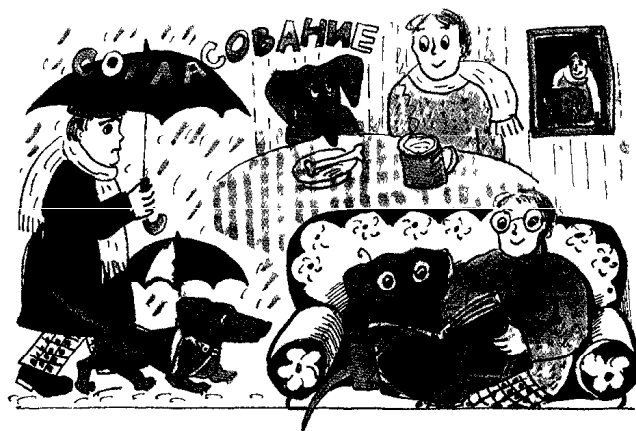


СОГЛАСОВАНИЕ: ПОСЛУШНЫЙ ПОДЧИНЁННЫЙ

Среди уже рассмотренных примеров были словосочетания, в которых грамматическая форма зависимого слова уподобляется форме главного во всех общих для них категориях: *большой мяч, большого мяча, большими мячами*. Зависимое прилагательное ставится в форму того же рода, того же числа, того же падежа, что и главное слово — существительное. Отсюда и название этого типа синтаксической связи — *согласование*.

Наиболее характерна такая связь для словосочетаний, в которых главное слово — существительное, а зависимое — прилагательное или причастие. У этих «партнёров» есть максимальные возможности согласоваться с существительным — формы рода, числа, падежа: *красивый букет, красивая лилия, красивых растений, красивым розам, весь день, всей ночи, всего утра, всем вечерам, найденный клад, найденной сокровищницы, найденному богатству, о найденных драгоценностях* и т. д.

Несколько меньше возможностей у глагола, который, будучи в роли сказуемого, согласуется с подлежащим в числе, а в некоторых формах ещё и в роде: *дождь ⇒ начался, буря ⇒ началась, дожди ⇒ начались, затмение ⇒ началось, гроза ⇒ началась бы* и т. д.



Согласуются с существительным и числительные, но только по падежу и только с косвенными падежами существительного (подробнее о синтаксических взаимоотношениях существительного и числительного см. в статье «Имя числительное»).

Особенно интересно согласуются с главным словом некоторые разновидности приложений (определений, выраженных существительным). Являясь существительным, приложение не может изменить свой род (*старушка театровед, сочинение-монолог*), хотя иногда происходит совпадение по роду (*старушка учительница, старичок учитель*). По числу приложение согласуется с главным словом, если на это не наложено грамматического запрета (*девушка-спортсменка, девушки-спортсменки, но вездеход-сани*). А вот согласование по падежу для приложений обязательно; исключение — словосочетания с несклоняемыми существительными (*Публика была в восторге от артиста-кенгуру. Мне рассказали о лётчиках-камикадзе*).

УПРАВЛЕНИЕ: ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ НАЧАЛЬНИК

Иностранцы, изучающие русский язык, никак не могут понять, почему по-русски нужно говорить *видеть кого (что), смотреть — на кого (на что), а любоваться — кем (чем)*. Никакие объяснения здесь не помогут — придётся просто выучить наизусть, какую форму существительного «любит» каждый из этих близких по смыслу глаголов. Синтаксическую связь, при которой главное слово требует от зависимого определённой падежной формы, называется *управлением*. При управлении как бы ни менялась форма главного слова, зависимое, как

ИГРА «ЧЕПУХА»

Игрокам понадобятся ручки и длинные узкие листки бумаги. Игра проходит по кругу; каждый должен знать, от кого он получает листок и кому передаёт. Ведущий последовательно задает вопросы: *кто?, что сделал? или когда?* и т. п. Каждый игрок в верхней части своего листка записывает ответ, после этого заворачивает листок так, чтобы запись не была видна, и передаёт его соседу. Когда все передадут свои листки, ведущий задает следующий вопрос, игроки снова пишут ответ, опять закрывают его и передают листки и т. д.

Ведущий ставит пять—восемь вопросов таким образом, чтобы получилось синтаксически правильное предложение. Игра заканчивается тем, что все разворачивают оказавшиеся у них листки и читают получившуюся «чепуху» вслух, под общий хохот.

Эта игра — не соревнование, все в равной мере заинтересованы в хорошем результате. Поэтому так важны правильные синтаксические связи: употребление именно того падежа, который задан вопросом, верное использование предлогов и т. д. Ошибка хотя бы одного игрока приводит к тому, что всё предложение не получается.

стойкий оловянный солдатик, остаётся неизменным: *вижу кошку, видят кошку, видел кошку, видела бы кошку*.

Управление особенно характерно для словосочетаний с главным словом, обозначающим действие (состояние, изменение состояния и т. п.), т. е. в первую очередь глаголов и глагольных форм: причастий и деепричастий. Ведь действие совершает кто-то, с чем-то, с помощью чего-то, ради кого-то, и все эти вовлечённые в действие предметы нужно назвать. Поэтому глагол или причастие иногда управляет целой группой зависимых существительных:

книгу ← *просит* ⇒ *для сестры*
 ↓
у друга

ножницами ← *вырезающий* ⇒ *из бумаги*
 ↓
салфетки

Некоторые из этих потенциальных возможностей глагола управлять существительным должны быть обязательно реализованы: нельзя сказать *Я хочу извлечь*, не указав что и откуда. А вот уточнять, с помощью чего я хочу это сделать, или нет — зависит от воли говорящего, синтаксическая модель этого строго не требует.

Существительное тоже может управлять словами. Ярче всего эта способность выражена, естественно, у отглагольных существительных, но они (в отличие от причастий) не копируют модель управления глагола, а преобразуют её: *чтение* — *чего*, хотя *читать* — *что*; *зависимость* — *кого от кого*, хотя *зависит* — *кто от кого*.

Впрочем, и самые обычные, не связанные с глаголами по происхождению существительные могут быть главными словами в словосочетаниях с управлением: *злость* — *на кого (что)*; *путь* — *куда, к кому (чему)*; *фотография* — *кого; свет* — *чего (от чего)* и т. д.



Если приглядеться к существительным-«руководителям», то можно заметить: способность управлять — не такая уж неотъемлемая их черта, как аналогичное свойство глаголов. Предложение с глаголом, у которого нет «обязательных» подчинённых, кажется неполным. А отсутствие зависимых слов при существительных часто не нарушает грамматической структуры предложения. Сравните: *Ваше решение оказалось неверным* и *Ваше решение задачи оказалось неверным*; но во фразе *Вы решили задачу неверно* дополнение обязательно. Правда, в ситуации, когда возможна двусмысленность, управление становится обязательным, например: *Пора подумать о возвращении домой* — от *возвращаться* и *Пора подумать о возвращении долга* — от *возвращать кого (что) кому (чему)*.

Кроме того, словосочетание, в котором одно существительное управляет другим, часто может заменяться на синонимичное, в котором от существительного зависит согласующееся с ним прилагательное или местоимение: *портрет мамы* — *мамин портрет*; *увлечение спортом* — *то увлечение* (при повторном упоминании).

Используют управление и числительные: в именительном падеже они требуют существительного в родительном падеже единственного (*полтора, два, три, четыре килограмма*) или множественного числа (*пять, шесть, двадцать восемь, сто килограммов*). Это не мешает некоторым из них согласовываться с существительными в роде (*полтора, два километра, но полторы, две версты*).

В синтаксической связи, которой соединены подлежащее и сказуемое, тоже совмещены два типа связи: глагол управляет существительным, требуя от него только именительного падежа, и одновременно согласуется с ним в роде и числе: *она согласилась, они согласились* (а с личными местоимениями — ещё и в лице: *я пишу, ты пишешь, он пишет*). Такая связь, в которой каждое слово является, с одной стороны, главным, а с другой — зависимым, называется *координацией*.

Некоторые прилагательные «берут пример» с причастий и тоже могут управлять другими словами: *известный всем, полезный больному, полезный для лечения*.

Способность слова управлять, количество его потенциальных «подчинённых» и форма, которую потребует от них «начальник», тесно связаны с лексическим значением управляющего слова. А там, где царит лексика, невозможны универсальные схемы; какой именно является



ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА

Термин «валентность» (от лат. *valentia* — «сила») лингвисты позаимствовали у химиков. В лингвистику первым это понятие ввел Соломон Давидович Кашнельсон, заметив некоторую схожесть свойств слов и атомов.

Валентность слова — это его способность присоединять к себе зависимые слова в определенных формах (без этих зависимых слов употребление главного слова неполно). Например, у глагола *дает* три валентности: используя этот глагол, мы обязательно должны заполнить при нем три места: кто? что? кому? — *Учитель дает книгу ученику*. У глагола *лежит* две валентности: кто (что)? и где? *Книга лежит на столе (в шкафу)*.

Валентности присущи не только глаголам, но и другим частям речи, например прилагательным: *интересный* (кому?), *необходимый* (кому? для чего?), *достойный* (чей?). Валентностями могут обладать и существительные прежде всего образованные от глагола: *Нина приехала в Москву* → *Приезд Нины в Москву*. Валентности обязательны и для некоторых других групп существительных. При существительных, обозначающих часть предмета, необходимо указать на целое, к которому относится эта часть: *ручка* (чего?) *двери*, *сумки*; *крыша* (чего?) *дома*; *хвост* (чей?) *волка* или *волчий*, у слов, обозначающих родственных, тоже должно быть указание, чей это родственник: *брат* (чей?) *мой* (*Танин, друг*).

Особого внимания все же заслуживают валентности глагола, ведь в центре предложения — действие или состояние, обозначаемое обычно глаголом. От него зависят все остальные члены предложения. Слова, которые заполняют валентности глагола, называют *актантами* («действованиями»). Актанты соответствуют подлежащему и дополнениям (изредка обстоятельству) в традиционной грамматике. Зависимые от глагола слова, которые не заполняют никакой валентности, называют *сирконстантами* (это обстоятельства). Например, в предложении *Вечером Нина встретила Таню* слова *Нина* и *Таню* — актантами (они заполняют две валентности глагола *встретить*); *вечером* — сирконстант, это слово не заполняет никакой валентности: выражение значения времени не является обязательным при данном глаголе.

Такой подход к предложению был разработан французским лингвистом Люсьеном Теньером. В отличие от традиционной грамматики, в которой выделяются два главных члена предложения — подлежащее и сказуемое, по Теньеру, главным является только обозначение действия, подлежащее же относится к глагольным актантам наряду с дополнениями. Действительно, сравните предложения: *Я слышу шум* и *Мне слышится шум*; *Я люблю народные танцы* и *Мне нравятся народные танцы*. В близких по смыслу предложениях русского языка подлежащее и дополнение легко меняются местами. При переводе русское подлежащее нередко будет передаваться в другом языке дополнением, и наоборот. Например, предложение *Мне нравятся народные танцы* скорее всего можно перевести на английский так: *I like folk dances*.

Валентности, о которых мы говорили, выделяются на поверхностном уровне описания языка. Такие валентности называются *синтаксическими*, им соответствуют определенные формы выражения, т. е. синтаксические актантами.

Современная лингвистика кроме синтаксических выделяет еще и *семантические* валентности слова. Они в отличие от синтаксических выделяются не на поверхностном уровне описания языковых структур, а на глубинном, смысловом. Впервые их стал исследовать американский лингвист Чарльз Филмор. Семантические валентности — это свойства глагола присоединять к себе семантические актантами (т. е. участников ситуации), среди которых выделяются субъект (*Антон читает*), объект (*читать книгу*), адресат (*подарить другу*), инструмент (*резать ножом*) и др. Семантические валентности не изменяются при изменении формы главного слова, если ситуация остается прежней. Сравните: *Школьник решил задачу*; *Школьником решена задача*; *Решение школьником задачи*. Во всех трех случаях описывается одна и та же ситуация. У главного слова *решил* (*решена, решение*) две семантические валентности: субъектная и объектная, но выражаются они по-разному, т. е. синтаксические валентности будут разные. В первом предложении (активная конструкция) субъект является подлежащим, имеет форму именительного падежа, а объект — прямым дополнением, что выражается формой винительного падежа. Во втором предложении (пассивная конструкция) субъект выражен формой творительного падежа, а объект становится подлежащим. В третьем случае при отглагольном существительном субъект — в творительном падеже, а объект — в родительном.

Соотношение семантических и синтаксических валентностей называется *моделью управления*. (Это понятие предложено современными лингвистами Игорем Александровичем Мельчуком и Юрием Дерениковичем Апресяном.) В стандартном случае каждой семантической валентности соответствует определенная синтаксическая валентность. Так, у глагола *дать* такая модель управления:

Семантические валентности	Субъект	Объект	Адресат
Синтаксические валентности	Им. п. (подлежащее)	Вин. п. (прямое дополнение)	Дат. п. (косвенное дополнение)

Однако есть глаголы и с более сложными отношениями между семантическими и синтаксическими валентностями. Например, глаголы *находиться*, *располагаться*, *стоять*, *лежать* имеют семантическую валентность места. Значение места может быть выражено и при многих других глаголах: *читать книгу в библиотеке*, *слушать музыку в консерватории*, но в большинстве случаев слово со значением места является сирконстантом, а не заполняет валентность глагола. При глаголах же со значением месторасположения указывать место необходимо, если вы скажете *книга находится* или *шкаф*

стоит, собеседник тотчас спросит: «Где?». А вот синтаксические формы выражения этой валентности различны. Книга может лежать *на столе, в столе, у стола, за столом* и даже *под столом*.

Многие глаголы имеют валентность не на предмет, а на целую ситуацию, например: *настаивать на чём-либо* (на поездке в деревню), *обрадоваться чему-либо* (приходу друга), *убеждать в чём-либо* (в том, что надо поступать в университет). Как правило, такие валентности имеют несколько способов выражения. Например, у глагола *надеяться* две семантические валентности: субъект и объект-ситуация. Вторая валентность выражается формой «на + винительный падеж», при этом в форме винительного падежа выступает не существительное с конкретным значением, а отглагольное существительное (*Мой брат надеется на поступление в университет*) или придаточное предложение (*Мой брат надеется на то, что (он) поступит в университет*). Возможен и инфинитив (*Мой брат надеется поступить в университет*).

Есть и совсем необычные случаи, например, когда одна семантическая валентность расщепляется на две синтаксические. У глагола *восхищать* две семантические валентности, которые обычно соответствуют двум синтаксическим: *Смелость Петра восхищает Марию*. Однако первая семантическая валентность может расщепиться на две синтаксические, и мы скажем: *Петр восхищает Марию своей смелостью*.

Может быть и наоборот, когда одной синтаксической валентности соответствует несколько семантических. Что имеется в виду под формой винительного падежа в предложении *Художник нарисовал сына?* Объект, т. е. живой мальчик, позировавший художнику? Или изображение мальчика на картине? Выбор значения может определяться контекстом: *Мальчика, который сейчас разговаривает с учителем, нарисовал художник* (здесь мы имеем в виду живого мальчика); *Посмотри на эту картину: как замечательно художник нарисовал сына* (а здесь мы говорим об изображении мальчика). Если же контекст не подсказывает нам, какое из значений следует выбрать, мы имеем дело со «склеиванием» валентности, т. е. в одной форме выражаются сразу два участника ситуации: и объект действия, и то, что получилось в результате действия, — изображение объекта.

Подобных глаголов довольно много: *переписать предложение с доски в тетрадь* (в ситуации два семантических актанта: предложение на доске и предложение в тетради, а форма, выражающая эти два значения, одна); *перевязать кофту* (распустили одну кофту, связали другую, а обозначили и ту и другую одной формой); *сменить кран в ванной* (старый кран убрали, новый поставили, а форма для обоих опять-таки одна!).

Область явлений, связанных с валентностями, весьма обширна и интересна. И еще далеко не все в этой области подробно исследовано лингвистами.



Люсьен Теньер

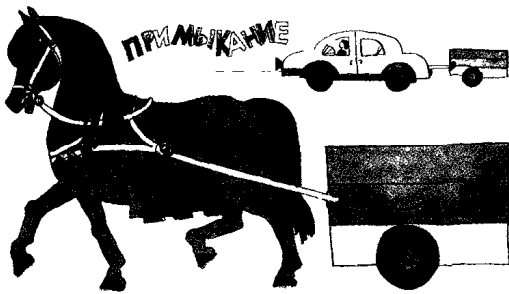
модель управления данного слова, приходится просто помнить. И все мы, носители языка, храним в памяти эту информацию. Если же возникают сомнения, как правильно сказать: *свет лампы* или *свет от лампы* — нужно обратиться к словарю, поскольку не только разные слова одной части речи, но и одно слово в разных значениях может иметь разные «начальственные» привычки. Вот пример с глаголом *идти* в трёх разных значениях: *идти₁ ⇒ куда* (*Я иду₁ в магазин*); *идти₂ ⇒ кому* (*Вам идёт₂ это платье*); *идти₃* (*Часы идут₃*).

ПРИМЫКАНИЕ: РОДСТВО ДУШ

Когда подчинительная связь в словосочетании не выражена морфологически, мы говорим, что зависимое слово примыкает к главному. *Примыкание* словно специально придумано для присоединения неизменяемых слов (наречий) и некоторых форм глагола (инфинитива, деепричастий): *Он бежал быстро*; *Мальчик отвечал загибаясь*; *Я улыбнулась невзначай*; *Терпеть не могу есть стоя*; *На плите стоял раскалённый докрасна утюг* и т. д.

Различить примыкание и управление часто бывает непросто.

Как, например, расценивать словосочетания типа *бежать с трудом, отвечать без запинки*? Как управление (сравните: *бежать с эстафетной палочкой, обходиться без еды*) или как примыкание (сравните: *бежать быстро, отвечать кое-как*)? Скорее, это всё же примыкание, ведь в подобных случаях глаголы не требуют определённой предложно-падежной формы, а лишь допускают наличие обстоятельства образа



действия, выраженного любым способом: *бежать* (как?) *плохо*, *спотыкаясь*, *с трудом*.

Несогласованные определения типа *яйцо всмятку*, *цвет хаки*, *брюки клеёи* примыкают к существительному. Такие случаи, как *дорога в гору*, *дорога в никуда*, можно считать и примыканием, и управлением (глагол опущен, и его роль выполняет существительное: *дорога*, *ведущая* (куда?) *в гору*, *в никуда*). Связь в словосочетаниях типа *девушка в шляпе* или *мамашиа под зонтиком*, скорее, примыкание: у существитель-

ного есть возможность присоединить определение (согласованное или несогласованное), выраженное произвольным способом: *девушка* (какая?) *красивая*, *с синими глазами*, *в мини-юбке*, *с сумочкой*, *под зонтиком*.

Так же трудно провести границу между словосочетаниями типа *войти в комнату*, *войти под навес* (где предложно-падежная форма мотивирована и собственным значением, и формой глагола) и словосочетаниями типа *отдыхать в роще*, *отдыхать под мостом* (очевидные обстоятельства). Поэтому, наверное, удобнее считать это случаями управления... В общем, оба решения столь же оправданны, сколь и произвольны.

Каждый тип смысловых отношений имеет свои предпочтения среди синтаксических связей, но строгой зависимости здесь нет. Действительно, чаще всего связь между предметом и его признаком выражается согласованием, связь между действием и его объектом — управлением, а связь между действием и его признаком — примыканием, однако в языке для описания определительных отношений наряду с сочетанием *старое платье* возможно *платье без рукавов* и *платье беж*.

И наоборот, одна и та же связь, например управление, может представлять разные отношения; иногда даже одно и то же словосочетание в разных контекстах может переосмыслиться. Словосочетание *портрет матери* в зависимости от ситуации означает: 'портрет, на котором изображена мать' (определятельные отношения), 'портрет, принадлежащий матери' (отношения принадлежности), 'портрет, нарисованный матерью' (отношения между производителем действия и результатом его действия).

Так что язык хотя и предписывает нам строгие правила связывания слов, вместе с тем даёт возможность достаточно свободно выбирать способ выражения своих мыслей.

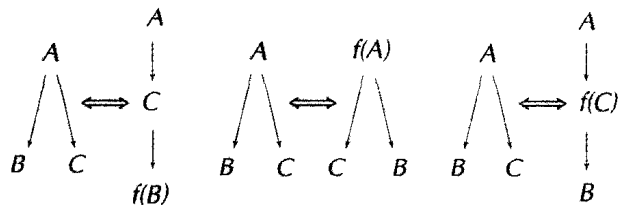
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ



Ниже приводятся три пары фраз и три схемы. Фразы, входящие в одну пару, имеют один и тот же смысл, но разное синтаксическое строение. Каждая схема отвечает одной из этих трёх пар фраз, а каждой паре отвечает одна определённая схема: схема условно изображает соотношение между синтаксическим строением фраз соответствующей пары.

В каждой схеме формы слова обозначены одной и той же буквой, а $f(x)$ и x обозначают однокоренные слова, не являющиеся формами одного слова.

- (1) Структурное изменение сетчатки.
Изменение структуры сетчатки.
- (2) Маша стучит каблучками.
Стучат Машины каблучки.
- (3) Прямая пересекает окружность.
Окружность пересечена прямой.



1. Укажите, какой паре фраз отвечает каждая схема.
2. Нарисуйте схему, отвечающую следующей паре фраз:
Он поспешил выйти. Он поспешно вышел.

